

Имя Героя Социалистического Труда академика Евгения Михайловича Крепса хорошо известно физиологам и биохимикам в нашей стране и за рубежом. Труды Е. М. Крепса в области сравнительной физиологии и дыхательной функции крови, открытие им прямого влияния симпатических нервов на обменные процессы в мышцах, многолетние исследования круговорота химических веществ в морской воде, в частности фосфора и азота, снискали ему заслуженное признание в отечественной и мировой науке. Е. М. Крепсом разработана также методика ранней диагностики сепсиса, на основе его выводов были созданы приборы для непрерывного и бескровного определения насыщения крови кислородом, нашедшие широкое применение в авиационной, подводной и спортивной медицине. Е. М. Крепс — участник арктических плаваний и научных экспедиций на судах Академии наук, один из первых исследователей проблемы круговорота радиоактивных веществ в океане.

В последние годы Евгений Михайлович работал над рукописью своих воспоминаний, которые назвал «О прожитом и пережитом». Недавно рукопись была завершена. Журнальный вариант отдельных глав из нее мы, с любезного согласия автора, начинаем публиковать в этом и следующих номерах.

О ПРОЖИТОМ И ПЕРЕЖИТОМ

(Главы из книги)

Е. М. КРЕПС [Ленинград]

Начало

Родился я 18 апреля (1 мая) 1899 г. в Петербурге, в типичной для петербургской интеллигенции трудовой семье. Отец был хорошим врачом и неутомимым тружеником. Он окончил Дерптский (ныне Тартуский) университет в конце 80-х годов прошлого века, специальностью своей избрал урологию, тогда только возникавшую, и завоевал хорошую репутацию. Это обеспечивало ему обширную практику, а семье — известный достаток. Он много работал: утром больница, потом прием дома, потом визиты к больным.

После революции отец получил звание профессора и читал лекции в Институте усовершенствования врачей в Ленинграде. В старости ослеп (нераспознанная своевременно глаукома) и умер 90 лет от роду. Работать он продолжал, даже будучи слепым. Помощник осматривал в цистоскоп внутреннюю поверхность мочевого пузыря и говорил ему, разбивая поле зрения как циферблат часов: у 1 часа вижу то-то, у 2 — то-то, у 6 часов — то-то, — и отец, опираясь на свой громадный опыт, ставил диагноз.

Мать была домашней хозяйкой, заботливой матерью и очень хорошим человеком. После революции, когда наша довольно большая квартира стала коммунальной, к ее помощи соседи обращались во всех случаях жизни.

По своим политическим убеждениям отец, как и большинство трудящейся интеллигенции, был настроен оппозиционно к старому режиму и всем его проявлениям. Но

он не был социалистом. Вероятно, ему были ближе кадеты. Однако с самого начала Октябрьской революции он отнесся резко отрицательно к саботажу значительной части интеллигенции и ни на один день не прерывал работы в больнице, борясь с сыпным тифом и т. п.

Воспитывали нас, детей, в особенности старших мальчиков, очень свободно. Мать хотя тревожилась за нас часто, особенно летом, когда мы уходили на лодке или отправлялись в лес и не возвращались к обещанному часу, но свободу нашу не ограничивала. Отец был очень занят и мало вмешивался в наше воспитание, но одно он нам внушал постоянно: нет ничего хуже вранья и надо быть всегда правдивыми.

У моего старшего брата Германа, который был на три года старше меня, и у меня рано проявилась тяга к природе. У нас была лодка, и мы пропадали на Финском заливе, в дачных местностях Карельского перешейка. Рано у нас появились ружья. В 9 лет я выпросил себе на день рождения мелкокалиберную винтовочку, вроде теперешней ТОЗ. Мы научились метко стрелять и считали позором не попасть с первого выстрела в спичечную коробку с 50 шагов. Меткость стрельбы сохранилась у меня на всю жизнь. Рано стали мы с братом охотниками и следопытами. Брату это особенно пригодилось, так как он избрал своей специальностью изучение и охрану природы, работал в заповедниках и стал инициатором и организатором Лапландского государственного заповедника на Кольском полуострове.

Нас отдали — сперва брата, а потом меня — в Тенишевское училище в Петербурге. Об этом училище стоит рассказать подробнее.

Жил в Петербурге князь Тенишев, богатый и знатный человек либеральных убеждений. У него было два сына. Князь, не хотевший отдавать их в привилегированные реакционные учебные заведения, такие, как лицей или Училище правоведения, решил дать им домашнее образование. Воспитание и обучение сыновей он поручил известному педагогу А. Я. Острогорскому, филологу и знатоку литературы, талантливому педагогу. Острогорский успешно подготовил юношей к поступлению в университет. Тенишев, желая отблагодарить Острогорского за его труд, спросил, что ему хотелось бы получить в знак благодарности. Острогорский предложил князю организовать среднее учебное заведение нового типа, где бы не было казенной муштры, где бы на современном уровне преподавали естественные науки — физику, химию, где было бы хорошо поставлено преподавание математики и иностранных языков, где развивали бы и эстетические наклонности детей. И никаких древних, мертвых языков.

Князю Тенишеву это предложение понравилось, он согласился, но тогдашнее реакционное министерство народного просвещения, во главе которого стояли известные черносотенцы, сперва Шварц, затем Кассо, отвергло проект Тенишева. Более либеральное министерство торговли и промышленности дало согласие на организацию 8-классного коммерческого училища. Обычные коммерческие училища были 6-классные, реальные училища — 7-классными, а классические гимназии 8-классными. Князь щедро отпустил средства на строительство здания. Здание было выстроено великолепное, а Остроградский подобрал штат учителей. Пока был жив Тенишев, училище пользовалось зданием бесплатно.

В эту школу мы с братом и попали. Школа была действительно отличная, мы любили ее и сохранили о ней самые лучшие воспоминания. Классы были просторные, светлые. Для занятий по химии, физике — специальные кабинеты, просторный чистый двор для большой перемены, гимнастический зал и т. п. Но главное — подбор педагогов и разумно построенный учебный процесс. Мне даже трудно выделить особенно хороших педагогов. Все учителя были хорошими, а уроки — живыми и интересными. Конечно, школа слыла либеральной, я бы сказал, вольнодумной. Преподавание языков (немецкого с первого класса и французского с третьего класса) велось не так, как в других школах. Многие ученики поступали в школу, уже зная немного тот или иной язык. Поэтому класс делился на две группы — сильную и слабую.

Русскую литературу в старших классах преподавал Владимир Васильевич Гиппиус, великолепный педагог, влюбленный в Пушкина, прививший и нам любовь к великому поэту. Химию в нашем классе преподавал В. Н. Верховский, автор известного учебника, физику — П. А. Знаменский (впоследствии оба профессора). Великолепно читал историю Н. Р. Зоммер, ученик историка проф. Р. Ю. Виппера. Много внимания уделялось рисованию, в старших классах преподавал известный художник К. К. Врублев-

ский. Среди учеников были талантливые рисовальщики, некоторые из них потом выросли в крупных художников.

В субботу последним уроком был ручной труд — столярное дело. И тут все было организовано умно. Никакого принуждения. Ты устал, тебя не интересует столярное дело — сиди и не мешай другим. Но большинство, и я в том числе, любили ручной труд. Под руководством учителя мы начинали с простых, легких вещей, а затем делали все более и более сложные — табуретку, ларец и т. п.

Я нарисовал, может быть, несколько идиллическую картину жизни школы, но такой она представляется теперь, сквозь дымку прошедших лет. И вдруг произошло событие, повлекшее за собой, как своего рода цепная реакция, другие. Скоропостижно умер, не оставив завещания, князь Тенишев. Его жена, не одобрявшая либеральных затей мужа, сразу потребовала арендную плату за дом, и притом очень высокую. Пришлось сильно повысить плату за учение. А это сказалось на контингенте учащихся. Я учился уже при этой высокой плате (около 250 рублей в год). Какие социальные слои представляли ученики школы? Часть учеников была по-прежнему из семей трудовой интеллигенции. Но в школе учились и дети банкиров, владельцев заводов, крупных торговцев, сыновья чиновничьей и военной верхушки. И хотя в тенишевское училище посылали своих сыновей представители более либеральных кругов этой социальной элиты, все же существовало большое расслоение в политических взглядах и настроениях школьников. Я имею в виду, конечно, учеников старших классов.

Характерен такой эпизод. Русскую историю в старших классах читал В. Р. Зоммер, и читал отлично. Когда мы дошли до эпохи Александра II, речь, естественно, зашла об освобождении крестьян. Зоммер, в согласии с исторической правдой, освещал это событие как положительное, прогрессивное, положившее конец позорному рабству, но в то же время отмечал половинчатость этой реформы, в частности то, что крестьян освободили без земли, что земля оставалась в собственности помещиков и крестьяне должны были выкупать ее. Некоторые ученики вступили с учителем в горячую дискуссию. На одном из ближайших уроков мы писали сочинение об этой реформе. В конце урока в училище приезжает чиновник, представитель попечителя учебного округа, и забирает все сочинения. Разыгрался скандал. Зоммеру пришлось уйти из училища. Мы поняли дело так, что ученик (мы знали даже кю) рассказал дома о том, как освещает преподаватель истории освобождение крестьян, а реакционный папа доложил кому следует.

После революции многие особенности нашей школы были использованы при организации трудовых школ, в разработке проекта которых деятельное участие принимали некоторые наши педагоги. Позже, когда я уже учился в Военно-медицинской академии, я с благодарностью вспоминал наше училище, давшее хорошую подготовку по физике, химии, естественной истории. Я видел, насколько мне легче учиться, чем воспитанникам классических гимназий, даже золотым медалистам.

Еще до окончания школы, в 1915 г., я ездил в каникулярное время к старшему брату, проходившему производственную практику в Бузулукском бору Самарской губернии. Этот огромный бор лежит у северной границы степей тогдашних Оренбургской и Самарской губерний и является реликтом когда-то огромных лесных массивов на границе лесостепи.

Обширные посадки сосны, проводимые для восполнения лесов, очень страдали от вредителей — личинок жуков, майского и июльского хрущей. Личинки эти четыре года живут в почве, объедая нежные корешки молодых посадок. Для изучения способов борьбы с этими вредителями три студента-практиканта, в том числе и мой брат, приехали в Бузулукский бор. Брат прислал мне приглашение провести там летние каникулы, соблазняя хорошей охотой. Эта поездка надолго запомнилась мне.

Школу я окончил в декабре 1916 г. Такой необычный зимний выпуск объясняется тем, что в Тенишевском училище каждый класс был разбит на два семестра. Мы переходили из класса в класс не один раз в году, как обычно, а два раза, из семестра в семестр... Если кого-либо оставляли на второй год по неуспеваемости или по болезни, то он терял не целый год, а лишь полгода.

По всем предметам у меня в аттестате стояли пятерки. До поступления в вуз оставалось несколько месяцев, документы надо было подавать летом. Я мечтал поступить в университет, стать зоологом и посвятить себя изучению морских птиц. Я любил птиц

я любил море. Отец же хотел, чтобы я пошел на медицинский факультет, и летом, в мое отсутствие, подал мои документы в Военно-медицинскую академию. Для поступления в университет или в Академию мне требовалось сдать экстерном экзамены по латинскому языку при одной из классических гимназий. Экзамен я сдал при 6-й, одной из самых «классических» гимназий и, к своему удивлению, получил пятерку.

С самого начала 1917 г. и до осени, когда начинались занятия в вузах, я был совершенно свободным человеком. Школу уже окончил, экзамены все сдал и, смеясь, говорил, что могу теперь участвовать в свержении самодержавия. Шатаюсь по городу, я был в курсе всех уличных событий. Это было бурное время. В городе стояли громадные очереди за хлебом, остро не хватало продовольствия, в рабочих районах шли демонстрации, которые, несмотря на противодействие полиции, проникали в центральные части города.

Каждому, кто слушал бесконечные выступления на уличных митингах, было ясно, что на политической арене действовали три лагеря: правительственно-монархический, оппозиционный правительству либерально-буржуазный и революционный, пролетарский. В правительственном лагере брали верх самые крайние силы реакции, шла министерская чехарда, но на все ключевые посты назначались самые оголтелые черносотенцы. Промежуточный, половинчатый либеральный лагерь, основу которого составляли кадеты, боялся победы революции и надеялся вырвать у царизма уступки, добиться дележа власти.

Огромные демонстрации в сотни тысяч человек проходили по улицам города и несли антивоенные и антиправительственные призывы. Теперь уже прямо говорили о революции. Командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов издавал грозные приказы, запрещающие демонстрации и угрожающие военной расправой. Их расклеивали по городу, но они уже не могли остановить народ. Шатаюсь по «кипевшему» городу, я впервые в эти дни увидел лозунг: «Да здравствует республика».

23 и 24 февраля забастовки и демонстрации охватили весь город. Нескончаемые толпы, прорвавшиеся из рабочих окраин, шли по Невскому проспекту. 25 февраля генерал Хабалов получил из ставки приказ царя немедленно покончить с беспорядками в столице. На следующий день в ряде районов города полиция и некоторые воинские части стреляли в народ. На Знаменской площади (теперь площадь Восстания) полиция обстреляла многолюдную демонстрацию. Все хорошо знали, что рабочие заводов ведут усиленную агитацию среди солдат расквартированных в Петрограде запасных батальонов гвардейских полков. Листовки, которые и мы все читали, призывали солдат поддержать рабочих, крепить «братский союз армии и народа». Эти призывы дали свои плоды.

26 февраля стал переломным днем. В этот день восстала и открыла огонь по полицейским, стрелявшим в демонстрацию, одна из рот запасного батальона Павловского полка. Начался переход армии на сторону восставших. Восстали солдаты учебной команды Волынского полка, которые с оружием в строю вышли на Литейный проспект и присоединились к демонстрации. Случайно я был на Литейном проспекте в это время. Затем к рабочим демонстрациям присоединились солдаты других полков — Преображенского, Литовского и др. Восставшие части, восторженно встречаемые демонстрантами, подходили к казармам колеблющихся полков и призывали их присоединиться к революции. К исходу следующего дня почти весь гарнизон Петрограда перешел на сторону революции. Солдаты и рабочие захватили мосты, вокзалы, почтамт и телеграф. Были арестованы многие министры.

Захватив арсенал, солдаты начали раздавать оружие рабочим. Я тоже был у арсенала, получил коротенький японский карабин и, не без труда, какое-то количество патронов к нему. Не без труда потому, что мне совали наши трехлинейные патроны, а калибр японских винтовок меньше 6 мм. Читатель может не знать, что флот наш был тогда вооружен японскими винтовками.

Генерал Хабалов с некоторым количеством войск, в основном юнкеров, пытался укрепиться в Адмиралтействе, но после энергичного обстрела со стороны Невского капитулировал. В связи с этим расскажу курьезный эпизод. Старший ассистент И. П. Павлова, доктор Ю. В. Фольборт, жил в начале Невского проспекта (дом № 5) и не мог попасть на Выборгскую сторону в Военно-медицинскую академию, так как сильная перестрелка шла около его дома. В этот день была лекция по физиологии. (Да, такое

было время. Идет революция, свержается монархия, а в Военно-медицинской академии идут занятия!). Ю. В. Фольбо́рт, опоздав к началу лекции, запыхавшись, завязывая на ходу халат, входит в аудиторию, извиняется за опоздание, говорит, что на Невском стрельба. Иван Петрович, возмущенный, обращается к студентам: «Вот вам русский ассистент. Какие-то там дураки стреляют, а для русского ассистента это основание, чтобы опоздать на лекцию». (Иван Петрович приветствовал революцию, но когда речь шла о науке, не признавал никаких оправданий). Я не был свидетелем этого эпизода, я сам был одним из «стреляющих дураков», правда, не на Невском, и не был еще слушателем Военно-медицинской академии. Мне это рассказал один слушатель.

А стрелял я больше по городовым. Дело в том, что еще царские власти для подавления «мятежа» посадили полицейских, переодетых в гражданское платье, одинаковое всех — черное пальто с черным барашковым воротником — с пулеметами на чердаках зданий, откуда был хороший обстрел, с приказом стрелять по демонстрациям. Когда друг по мирно идущей, правда, с лозунгами «Долой самодержавие», демонстрации откуда-то сверху раздавалась пулеметная очередь, то солдаты, присоединившиеся к демонстрантам, хватали винтовки и обстреливали чердаки. Солдаты устремлялись по лестницам вверх и иногда выводили растерянных, испуганных полицейских, захваченных с поличным у пулемета. Говорили, что прежде их расстреливали. Этого я не видел, при мне их отводили в Смольный. Так вот, по таким чердакам и я открывал стрельбу из своего карабина.

В результате революционных событий 24 февраля возник Совет рабочих и солдатских депутатов, а на другой день было объявлено о создании Временного комитета Государственной думы. Николай II отрекся от престола. Было образовано Временное правительство. Образовалось двоевластие — Совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство.

Совет рабочих и солдатских депутатов приступил, в частности, к созданию рабочей милиции. В эту милицию вступил и я и работал в ней несколько месяцев. Милиция поддерживала порядок в своем районе, вылавливала контрреволюционеров, охраняла жизнь и имущество граждан от бандитов, которых появилось много, проверяла пропуска на автомашины, особенно по ночам. Последнее бывало порой небезопасно. Мы, милиционеры, формы не имели, носили повязки на рукаве. Ходили обычно по три человека. Останавливаешь, бывало, ночью машину, а из машины, не снижающей скорости, раздаются револьверные выстрелы.

Но все-таки жизнь в городе начала входить в свою колею. Весной я уехал в Крым к родственникам.

Я ожил, когда ночью выбрался через окно на станции Джанкой и очутился, первый раз в жизни, под огромным, усеянным яркими звездами черным южным небом. Днем забрался в местный поезд, который шел в Феодосию.

Семья дяди встретила меня радушно. Его старший сын был на фронте, откуда уже не вернулся.

Время моей жизни в Крыму было бурным. Политические страсти кипели и здесь. Черноморским флотом командовал адмирал Колчак. После Февральской революции он занял резко контрреволюционную позицию. Под давлением матросских масс его сняли с поста командующего и отозвали в Петроград.

Через несколько дней после моего приезда дядя поехал по своим делам в район и предложил мне поехать с ним. Ехали в селение Отузы (теперь Шебетовка) в 30 км от Феодосии. В Отузах дядя ушел по своим делам и меня отпустил до вечера.

Я пошел вниз по Отузской долине, вдоль речушки, бегущей к морю, мимо виноградников и огромных раскидистых ореховых деревьев, тогда еще многочисленных в Отузской долине. Пришел на берег моря, пустынный, уединенный. Было тепло. Искупался в море, еще прохладном. Прошел влево, в сторону Карадагской гряды, увидел там постройки, большой белый дом на высоком обрыве у моря. Не думал тогда, что эта Карадагская биологическая станция станет для меня родным местом...

В Военно-медицинской академии. В водовороте гражданской войны

Пока я был в Крыму, отец отнес мои документы в Военно-медицинскую академию. Аттестат у меня был хороший, а прием в мае 1917 г. (при Временном правительстве) производился, как и раньше, по конкурсу аттестатов. В конце августа я получил уведомление, что принят на первый курс.

Это было время между Февральской и Октябрьской революциями, но, в отличие от большинства петроградских вузов, в Военно-медицинской академии занятия шли нормально, я бы сказал, довольно интенсивно. Время было голодное, ощущалась нехватка почти во всем.

Мне занятия нравились. Состав профессуры — отличный, лекции интересные. Среди моих профессоров на первом курсе были такие крупные ученые, как проф. Н. А. Холодковский, зоолог, проф. С. Я. Терешин, физик. Неорганическую химию читал С. В. Лебедев, позже создавший синтетический каучук, анатомию читал В. Н. Тонков, профессор требовательный, но доброжелательный и справедливый. Гистологию вел проф. А. А. Максимов, больше похожий на прусского офицера, чем на русского профессора, и державший себя в отдалении от студентов. Но он был крупный ученый и великолепный лектор, притом прекрасный рисовальщик. Геологию, предмет далекий от медиков, интересно читал профессор Православлев. Читались на первом курсе и лекции по богословию, но они были скучными и посещались слабо. Вообще посещение лекций было обязательным. Превосходный курс неорганической химии, читавшийся С. В. Лебедевым, посещали только пять-шесть человек, в том числе студент А. П. Виноградов, будущий академик, ученик В. И. Вернадского, поступивший в Академию после окончания фельдшерского училища.

Слушатели Академии, конечно, не оставались в стороне от политических событий, но, вероятно, были более пассивными, чем студенты других вузов. Ни на нашем курсе, ни вообще в ВМА не было коммунистов. Октябрьская революция далеко не сразу внесла переворот в настроения и политическое сознание слушателей нашего курса, да и вообще Академии. Вскоре после Октябрьской революции Академия перестала быть военной, вошла в подчинение Наркомпроса. Только к концу моего первого курса она снова была военизирована и подчинена командованию недавно созданной Красной армии.

Подошла пора весенних экзаменов. Я сдал большинство экзаменов и зачетов, перешел на второй курс и мог взять отпуск на каникулы. Я принял предложение одного моего товарища еще школьных времен приехать погостить к нему, точнее в дом его родителей, живших в окрестностях Челябинска. Приятель говорил, что там живут еще сытно, у них свое хозяйство, да и охота вокруг хорошая. Выезжать тогда из Петрограда было трудно, надо было получить пропуск на выезд. Около центральной железнодорожной кассы (тогда на Б. Конюшенной ул., теперь уж. Желябова) стояли очереди по несколько суток, ночевали на улице, укладываясь спать на тротуаре. Я получил в ВМА (она снова была военной) увольнительный билет, что, мол, слушатель Военно-медицинской академии Рабоче-крестьянской Красной Социалистической (эта формулировка через несколько месяцев чуть не стоила мне жизни) Армии второго курса такой-то уволен в отпуск по такое-то число. Подпись начальника Академии и комиссара. По увольнительному билету получил пропуск. Получил и специальное разрешение на выезд от ЦК по эвакуации и разгрузке Петрограда.

12 мая 1918 г. я отбыл в Челябинск через Вятку — Пермь — Екатеринбург (это важные детали). Ехал, конечно, в переполненном вагоне. Суток через пять прибыл на станцию Челябинск. В городе я никого не знал. Надо было у кого-нибудь узнать, как попасть на хутор Михайловский, где жил мой приятель. У хлебной лавки меня оставил вкусный запах свежеевыпеченного хлеба и свободная продажа его, без всяких карточек и без очереди. Купил хлеба, пшеничного, теплого, очень вкусного и, отламывая на ходу кусочки, спросил стоявшую вблизи женщину, как попасть на хутор Михайловский.

В городе казалось все спокойно, обычный провинциальный городок тех времен, но в отличие от Петрограда здесь еще не испытывали ни в чем недостатка.

На хуторе Михайловском меня встретили очень радушно. Я попал в весьма зажиточный дом, с хорошо поставленным хозяйством — коровы, лошади, пашня, большое семейство, все работали, по-видимому, были и наемные работники. К вечеру из города приехал кто-то из домашних и привез ошеломляющие новости: на станции, на путях, стоял воинский чехословацкий эшелон. Чехи подняли восстание, арестовали руководителей советских учреждений, горкома, горсовета, разоружили слабенький красноармейский гарнизон и взяли власть в свои руки. Другими словами, в Челябинске была свергнута Советская власть.

Я не понимал сперва, откуда в городе чехи, что за чешская воинская часть. Мне разъяснили, что чехи и словаки, австрийские подданные, массами сдавались в плен русским войскам, не желая воевать за немцев. Они добились создания чешских воинских частей, которые хотели продолжать войну с немцами за независимую Чехословакию. Когда стало известно о переговорах Советского правительства с немцами о мире, чехи, опасаясь, что их выдадут немцам, потребовали перевозки своих частей во Владивосток с тем, чтобы морем доставить их во Францию для продолжения участия в войне на стороне союзников. Многие чешские эшелоны уже двигались на восток и находились частью еще в Сызрани, Самаре, Пензе, Челябинске и дальше в Сибири. Эшелоны подолгу простаивали, и офицеры внушали солдатам, что Советы задерживают их под нажимом немецкого командования. Эта ложь и побудила их поднять восстание против Советской власти сразу во многих местах, где стояли их эшелоны. В действительности, конечно, восстание чехословацких войск было частью давно задуманного контрреволюционного переворота, в котором участвовали белогвардейская верхушка — союзное командование (англо-франко-американское) и командование чехословацких войск. Солдатская масса чехов, с которой нам позднее пришлось не раз встречаться, ничего об этом не знала.

Хорошо организованные, дисциплинированные чехословацкие полки без особого труда одержали верх над ничего не подозревавшими слабыми красноармейскими частями в городах.

Железнодорожное движение на запад от Челябинска сразу же было прекращено, связь с Москвой и Петроградом прервана. Екатеринбург (ныне Свердловск) еще оставался советским, а вот Самара, Сызрань, по-видимому, в руках чехов. Вскоре пришли сведения, что возник фронт между Советской Россией и восточной частью страны, что уже создаются белогвардейские формирования и есть новая, белогвардейская власть.

Нам на хуторе сперва казалось, что все это какая-то кратковременная заваруха, чешские эшелоны уйдут на восток и все восстановится. Но так как мое возвращение в Петроград могло затянуться, надо было что-то делать. Остаться в семье приятеля на хуторе Михайловском мне не хотелось. Во-первых, не хотелось быть нахлебником, а главное, я отчетливо чувствовал, что симпатии всей семьи на стороне белогвардейцев, а я какая-то «белая ворона», хотя белыми были они.

Тут я услышал, что организуется сельскохозяйственная коммуна. Коммуна намечалась очень пестрая — семья одного челябинского педагога по фамилии Теплоухов, еще одного челябинца, некоего Крашенинникова, прежде якобы богатого человека; в коммуну входил также немец-огородник по фамилии Розе с женой, выселенный в начале войны откуда-то из России в отдаленный Челябинск, один уральский казак, покинувший свою станицу. Коммуна собиралась арендовать землю на заимке в окрестностях Челябинска, сеять пшеницу, возделывать огороды и тем обеспечить себя пропитанием. Вся затея с коммуной показалась мне утопической, но все же она организовалась. Окрестные владельцы заимок владели большими участками, рабочих рук не хватало, мужское население было призвано на войну, и земля у них пустовала. Крашенинников дал деньги на покупку лошади и телеги. Организаторы коммуны, узнав, что я не прочь вступить в нее, охотно включили молодого, здорового парня, хотя я, как и казак Илья, мог предложить в качестве вклада только свои руки.

На купленной лошади Крашенинников и я отправились на поиски земли. Крашенинников, пожилой бородатый мужчина, знавший места, направил наш путь по тракту, соединявшему Челябинск с Екатеринбургом. Проехав верст 60, мы добрались до заимки Макаровского. Хороший одноэтажный дом, рядом хозяйственные постройки. Нас встретил хозяин, пригласил в дом, познакомил с женой и братом. Обстановка в доме, разговор хозяина и хозяйки, книги на полке — все говорило об известной интеллигент-

ности. Выслушав нашу просьбу об аренде земли, о планах создания коммуны, Макаровский не скрыл своего недоверия к успеху предприятия, особенно узнав о разношерстном составе предполагаемой коммуны. Но отнесся к ней доброжелательно и предложил подумать о таких условиях: зная, что в нашей коммуне есть опытный огородник, он, хозяин, дает участок под огород, около болота, чтобы легко было брать воду для полива. Сеять хлеб не советовал — ведь у нас нет ни инвентаря, ни лошадей. Одна лошадь не в счет. Вместо этого предложил помочь засеять и собрать урожай на его земле, а он заплатит нам натурой по нашему труду. «Это и вам будет выгодней. А женщины, коих у вас две или три, пусть помогают огороднику. В огородном деле много женского труда, а огородный овощ, особенно лук и чеснок, всегда найдут хороший сбыт по деревням». Одну из женщин Макаровский советовал сделать поварихой, а казака и меня готов был взять в свои работники. Мы согласились, и оказалось, что это было правильно.

Хозяин засеивал около 100 десятин земли, почти все яровыми, под пшеницу, так что сейчас предстояло вспахать, забороновать и засеять довольно большую площадь. Кроме того, были большие покосы на целинных землях, надо было заготовить сена для лошадей и всего скота на зиму, а потом убрать хлеба. Рабочие руки хозяину были очень нужны.

Под жилье хозяин предоставил нам пустую ригу — крепко сколоченный амбар.

Из кого же, в конце концов, состояла наша коммуна? Самой значительной фигурой был огородник — немец Розе, худощавый, с тонким голосом мужчина, по-видимому хорошо знавший свое огородное дело. С ним была его жена Амалия, молодая, высокая, красивая немка, помыкавшая своим мужем. Семья Теплоуховых могла выделить только двух взрослых дочерей, Аню и Олю, милых и работающих девушек. Крашенинникова дела держали в городе, и, кроме первой поездки со мной, он больше на займке не бывал. Но мне он оказал большую услугу — дал на все время работы на займке свое ружье, неплохую двухстволку 12-го калибра и порядочное количество боеприпасов. Потом был казак Илья, невысокий крепыш лет 30, почему-то не состоявший в армии, может быть, дезертир, и я. Никто на займке не знал, что я студент Военно-медицинской академии, знали, что приехал на побывку из России и не мог уехать домой из-за начавшейся войны.

Хозяин, узнав, что у меня нет опыта полевых работ, дал мне, как он говорил, «ответственную задачу» — кормить лошадей. У него было шесть добрых рабочих лошадей, да еще одна разъездная кобылка. Нашей «коммунальной» кобылой заведовал Розе, пахал на ней участок под огород, а позднее возил овощи в башкирские деревни на базар для продажи.

Трава еще только начинала зеленеть, в период тяжелой работы лошадей на траву не пускали, и всю ночь я должен был дежурить у лошадей, кормить их, закладывать сено, потом заготовить им в корыте сечку (рубленую солому) с отрубями, смоченными водой, и перед рассветом засыпать каждой порцию овса. Кормили коней хорошо, да и работали они много. Я не спал всю ночь, следил, чтобы лошади не дрались, не залезали мордой в чужую кормушку. Утром три пары коней уезжали в поле. В обед пахари приезжали домой, кормили лошадей, сами обедали и уезжали снова работать. Иногда я тоже ездил с ними. Я быстро научился пахать, держал борозду не хуже их: пахать хорошим сакковским плугом на привычных, опытных лошадях было нетрудно. «Добрый конь борозды не испортит», — я понял мудрость этой пословицы. Постепенно я втянулся во все виды работ.

Хозяйкой у нас в коммуне была Амалия. Готовила она хорошо, хлеб пекли в доме. Я приносил с болота то пару уток, а когда повезет, то и гуся.

Кончился сев, началась косьба. Григорий Иванович доверил мне пароконную косилку Мак-Кормика, и я целыми днями косил на больших луговых просторах, заросших пыреем.

Мы жили на займке довольно уединенно, но, конечно, связь с внешним миром была. Периодически брат хозяина отвозил с сепаратора сливки на артельный маслодельный завод, то кто-нибудь из соседей приезжал к Макаровским в гости. Мы понимали, что шла гражданская война, что возник фронт, который в нашем районе проходил где-то между Челябинском и Екатеринбург. Знали, что казаки из ближайших станиц уже воюют против красных и, наконец, что в Челябинске власть захватили белогвардейцы.

Но мы старались сидеть тихо, не желая, чтобы новая власть нас замечала. Заимочники и белых не желали, но и красных побаивались, так как имели помногу земли.

Тем временем созрели хлеба, ровные, чистые. Но до жатвы мне дожить на заимке не пришлось. Приехали верхами два казака и велели собрать всех мужчин. Илья куда-то скрылся, а мне и Ване (работнику) велели назавтра прибыть в Челябинск к воинскому начальнику, пригрозив, что если не придем сами, то заедут еще раз и погонят в город как дезертиров. Никаких документов не смотрели. Свой отпускной билет из Академии я никому не показывал и после их отъезда зашил в подкладку штанов.

На другой день отправились с Ваней в Челябинск и нашли помещение воинского начальника. Около дома стояла большая толпа молодых парней. Солдат в форме, с погонами на плечах, вызывал нас по алфавиту. Я попал к столу, за которым сидел молодой офицер. Спросил фамилию, откуда родом. Я сказал: из Петрограда. Как попал в Челябинск? Ответил, что приехал к товарищу, с которым учился в школе. Документы? Ответил, что никаких нет. Была бумажка об окончании школы, да и ее где-то потерял. Год рождения? Образование? Кончил среднюю школу в Петрограде. К отсутствию документов офицер отнесся равнодушно. Так как я был, вероятно, «образованнее» других, то он буркнул мне: «Пойдешь в инженерный дивизион», — что-то черкнул на бумажке и направил к усатому пожилому солдату с лычками на погонах, сидевшему в стороне за столиком.

Когда собралось человек десять парней, нас вывели на улицу, построили в две шеренги и повели на окраину города к низкому приземистому зданию, бывшей чаеразвсочной фабрике Высоцкого. Здесь размещался инженерный дивизион 6-й Уральской дивизии формируемой белой армии.

Нас переписали, бывших солдат расспрашивали, где служил, в какой части, какое кто имел воинское звание. На нарах я оказался рядом с двумя служилыми солдатами. Один был младший унтер-офицер, артиллерист, по фамилии Бураченков, другой, более пожилой, бывший сапер, белорус по национальности, по фамилии Сечко. Большинство новобранцев были крестьянские парни из деревень челябинских, более отдаленных уральских или западносибирских мест.

Бывшие солдаты ругались, что их вытащили из дому, что они, мол, навоевались, пусть послужат молодые. Было несколько человек добровольцев, почти все — бывшие гимназисты или другие учащиеся, студентов вузов как будто бы не было. Офицеров мы сперва не видели, но потом, когда уже получили обмундирование и были разбиты на взводы, нас выстроили во дворе. Явилась группа офицеров во главе с командиром дивизиона. С ним было несколько молодых младших офицеров. Командир осмотрел ряды новых солдат, теперь личный состав его дивизиона, сказал, что мы — инженерный дивизион, входим в 6-ю Уральскую дивизию горных стрелков (?) и после обучения будем отправлены на фронт против большевиков, продавших Россию немцам. Были назначены офицеры на каждый взвод. Взвод, в котором был я, попал под командование поручика Кирсанова.

К этому времени в Уфе уже было создано Уфимское контрреволюционное правительство, названное Временным всероссийским правительством. Некоторые «всезнайки» из солдат говорили, что в городе стояли два чехословацких полка, но, по-видимому, они ушли на фронт.

Живя в гуще солдатской массы, я хорошо знал ее настроение. Бывшие солдаты, фронтовики, были недовольны, что их снова призвали защищать интересы помещиков и капиталистов, мечтали вернуться домой и закончить раздел земли. Призванные из деревень молодые сибиряки и уральцы, почти не знавшие у себя помещиков, прислушивались к разговорам. А из города приходили вести, что на западе, на Волге, куда движется фронт, белая власть отбирает у крестьян бывшую помещичью землю. Рассказывали о порках крестьян и зверствах отрядов белогвардейских атаманов — Калмыкова и др.

В нашу часть, пока безоружную, начало поступать разное саперное имущество. Нас очень донимали вши. Сперва сыпного тифа не было, но позднее, уже на фронте, зимой, сыпняк начал распространяться все больше и больше.

Дивизион получил конное пополнение, из Тургайской области прислали лошадей, доставили армейские двуколки, повозки, сбрую. Была организована транспортная или обозная служба. Начальником ее назначили вахмистра царской армии Чуракова. Ва-

сильный Иванович Чураков был своеобразный человек, матерщинник, пьяница, но рубаха-парень и отличный знаток лошадей.

В середине ноября, если не изменяет память, было сообщено, что военные круги, по соглашению с союзниками, арестовали часть Уфимской директории и передали верховную власть адмиралу Колчаку, назначенному Верховным правителем. Тон газет стал более резким, откровенно монархическим. В нашей солдатской среде говорить свободно боялись — бывали случаи, что приезжали военные, как говорили, из контрразведки, и кого-нибудь забирали, обычно без возврата.

Иногда приходилось бывать на станции Челябинск, ездили за грузами, за сеном в тюках. По перрону и в помещении вокзала расхаживали офицеры и солдаты в черных папах, с револьверами, нагайками и шашками. Это были калмыковцы из отряда небызывестного атамана Калмыкова, каратели, наводившие страх по городам и деревням, поровшие и расстреливавшие всех заподозренных в симпатиях к большевикам. Калмыковцы были укомплектованы кулацкими сынками, контрреволюционными казаками и считались надежным оплотом колчаковской армии. Мобилизованные сибирские крестьяне, составлявшие основную массу колчаковских войск, не могли считаться надежными.

Время шло, наступила зима. Казань была, по-видимому, взята белыми.

Нашу часть вооружили, выдав трехлинейные винтовки с американским штампом «Ремингтон». В начале февраля приказ по части — готовиться к погрузке. Еще до этого мне и еще нескольким солдатам приказали учиться полевой связи. Говорили, что нас перебросят в роту связи. Мне этого, конечно, не хотелось, но куда денешься. Чураков успокаивал, — сиди, мол, на месте «волк не выдаст, свинья не съест. Поживем — увидим».

С нами занимался младший унтер-офицер Сушилилин — на «гражданке» железнодорожный телеграфист. Отличный специалист, он объяснял нам устройство телефонных и телеграфных аппаратов, научил соединять обрывы кабеля и телеграфных проводов, подниматься на телеграфные столбы на кошках и работать на высоте. Занимались на ключе Морзе. Позже Сушилилин убило на моих глазах, а меня сильно контузило. Но об этом в свое время.

Вскоре был дан приказ о погрузке. На морозе долго грузили свое имущество, двухколки, лошадей. Оборудовали для себя теплушки. Лошади, не привычные к езде в вагонах, упирались, не шли, но Чураков научил нас, как заводить самую норовистую лошадь в вагон.

Много лет спустя, году в 1935-м, во время посещения биологической станции на Белом море, мы с женой стали свидетелями, как мучились матросы, пытаясь завести лошадь по мосткам на пароход. Лошадь упиралась, не шла. Ее тащили, стегали, кричали — все напрасно. Я предложил свои услуги и за несколько минут, по «системе Чуракова», спокойно завел лошадь на палубу.

Когда все было оборудовано — тронулись в путь. Проехали Миасс, Златоуст, Вязовую. Мы поняли, что едем на Урал. Медленно подвигались к Уфе. Основной контингент нашего дивизиона, по слухам, доехал до Уфы и оттуда направился к фронту. Мы выгрузились в небольшом станционном поселке Давлеканово, на линии железной дороги, идущей от узловой станции Чишмы в Самару. Здесь простояли до самой весны.

Вестей в забытое богом Давлеканово доходило мало, но все же на станции, куда мы ходили гулять и знакомиться с девушками, узнавали от ехавших из Уфы или Самары пассажиров, что красные жмут, что Самара вот-вот будет отдана, а Екатеринбург уже занят большевиками. Подходила весна. Многие были не прочь переждать войну в Давлеканове, но пришел приказ выходить на соединение со своим дивизионом.

На узловой станции Чишмы было беспокойно. Приходили вести об отступлении войск Колчака, о приближении красных, перешли по мосту через р. Белую и двинулись проселочными дорогами на север. Путешествие становилось день ото дня труднее. Стояла теплая погода, снега таяли, наступала распутица. Талые воды заполнили овраги, ручейки превращались в бурные потоки. С большим трудом выбрались на тракт, тут дело пошло легче. Вскоре в большом селе нашли свою часть и сразу же почувствовали, что мы в «белой армии». Явным было враждебное отношение к нам населения, так как белая власть возвращала помещикам их имения. Слышали разговоры о том,

что в такой-то деревне за непослушание властям выпороты крестьяне. Это была уже распоясавшаяся колчаковщина.

Я ничего еще не говорил о своей внутренней жизни, о своих настроениях. С самого начала было ясно, что мне с белыми «не по пути» и что надо подумать, как перейти к красным. Пока белые наступали, это было трудно. Но когда 6-я Уральская дивизия вместе со всей армией начала отступать, переход к красным становился все реальнее. Надо было все продумать и действовать осторожно, но решительно.

И тут случилось событие, которое могло круто изменить мою судьбу. Вскоре после соединения наших обозных взводов со своим дивизионом меня направили в роту связи. Тут я нашел своих старых товарищей, в частности Сушилина. Мы стояли в башкирской деревне, недалеко от р. Белой. Фронт был рядом. Канонада слышалась все время. В один из дней Сушилин позвал меня и еще одного солдата, велел взять кошки, сумку с инструментами и моток провода. Мы вышли на линию телеграфа, которая тянулась параллельно дороге, и стали двигаться по ней, ища место обрыва провода. Нашли, где оборванный провод свисал до земли. Обрыв был наверху, на столбе, около изолятора. Место открытое, без деревьев, просматривалось с другого берега реки. Я влез на столб, освободил провод и стал наращивать его. Сушилин стоял под столбом и натягивал провод. Очевидно, с того берега нас заметили и последовало несколько выстрелов из орудия, один снаряд взорвался около столба и меня сбросило вниз.

Очнулся я в полевом лазарете. Мне рассказали, что Сушилина убило, а второй солдат добежал до части и привел телегу, на которой меня и отвезли. Сотрясение было сильным. Врач в лазарете был настроен пессимистически, но, к его удивлению, через несколько дней мои силы стали восстанавливаться, не прошло и 10 дней (не знаю точно сколько, так как был в полусне, может быть, от снотворных), как я уже ходил. Отправился обратно в часть, где меня считали если не мертвым, то безнадежным инвалидом. Позднее выяснилось, что повреждены три поясничных позвонка.

Вскоре мы отступили дальше на север. Мне разрешили ехать на повозке. Через два дня добрались до Бирска. Там заночевали, а наутро приказ двигаться дальше. Город опустел, по-видимому, предстояла сдача города красным. Хотя откуда они должны были прийти, я не понимал. Тут я решил выполнить задуманный план и перейти к красным. Пока шли сборы, я отправился к замеченному мною домику на окраине города, и, убедившись, что в нем никого нет и меня никто не видит, взобрался на чердак и залег там среди остатков старого сена и всякого пыльного барахла. У меня был кусок хлеба, и я потихоньку жевал его.

Стало вечереть, вернулись хозяева. Они ничего не заметили. Шум в городе постепенно стихал, последние части покидали его. Рано утром я услышал одиночные ружейные выстрелы. Потихоньку слез с чердака, сорвал с гимнастерки свои погоны и спустился к реке. В ту пору Бирск располагался на одном берегу р. Белой — на правом. На противоположном, низком берегу строений не было, берег зарос кустарником. Среди кустов я увидел несколько солдат. Они время от времени стреляли в нашу сторону. Город будто вымер. Я решил, что это разведчики красных.

На берегу валялось несколько лодок. Выбрав лодку получше, я погреб к противоположному берегу. Думал: будут они стрелять в меня или нет? Поставил себя на их место: к чему им стрелять? Подъехав ближе, оглянулся. Человек пять солдат, обмундирование вроде как и наше, но в суконных гимнастерках, без погон, на фуражках разглядел красные звезды. Значит, красноармейцы. Ткнулся в берег. Солдаты сразу подбежали и спросили:

- В городе есть белые?
- Все ушли вчера вечером.
- Не врешь? А то, смотри.
- Если бы врал, зачем бы приехал к вам?
- Перевезешь на тот берег?
- Садитесь.

Все пятеро залезли в лодку, и я погнал перегруженную лодку на другой берег. В это время из кустов высыпали еще красноармейцы. Мне крикнули:

- Вернись за нами!

Я вернулся, захватил еще пятерку бойцов и перевез их. Вскоре уже много лодок курсировало по реке, перевозя бойцов с пулеметами на правый берег. Потом на бе-

регу появились понтоны, и началась массовая переправа людей, лошадей, артиллерии. Это были передовые части 5-й армии, которой командовал Тухачевский.

Я ходил по городу, беседовал с красноармейцами, искал петроградцев, но попадались все больше москвичи и иваново-вознесенцы. Все рвались на восток, интересовались: давно ли ушли белые, какие были части? Я встретил бойцов, первую группу, которых перевез на этот берег. Они дружески приветствовали меня.

Я вернулся «домой», распорол подкладку брюк, достал свое отпускное удостоверение из Военно-медицинской академии. В комнате за столом сидело несколько человек красноармейцев. Я рассказал, что служил в белой армии, но что являюсь военным служащим Красной армии, что у меня есть удостоверение. Старший попросил предъявить его. Прочитав, очень удивился и заявил, что эта липа, что я, наверное, белогвардейский шпион и он должен меня арестовать. Этого финала я меньше всего ожидал. Только что бойцы дружески рассматривали меня как своего, а тут сразу ощерились. Старший взял мое злосчастное удостоверение, велел двум бойцам с винтовками отвести меня к коменданту и сам пошел с нами.

Комендант спрашивает меня: «Где ты взял эту липу?» Я пытался объяснить, что это не липа, а отпускное удостоверение, выданное мне Военно-медицинской академией, но он не стал слушать, говорит, лучше сразу признайся, что ты шпион, подсланный белыми. Ему, сказал он, недосуг возиться с подсланными шпионами, следует пустить меня в расход, но, пожалуй, правильнее переслать в штаб дивизии, пусть там разбираются.

Меня присоединили к большой толпе пленных, которые назывались перебежчиками, что, вероятно, отвечало действительности. На большом огороженном дворе был срочно организован лагерь пленных.

На третий день нас построили в длинную колонну и повели из города. Конвоиров было человек десять на колонну в несколько сот человек. Кто хотел, мог свободно удирать, но бежать никто и никуда не собирался. Так шли мы дней семь.

Наконец пришли в г. Бугульму. Нас построили и повели к большому огороженному лагерю. Вскоре привезли походные кухни, раздали котелки, ложки и накормили обедом. Развели по баракам, усталые люди завалились спать. К вечеру всех вывели на площадь перед трибуной. С трибуны выступали один штатский и один военный. Они говорили, что мы теперь не «беляки», а будущие бойцы Красной армии, которая борется за освобождение трудящихся. Колчак скоро будет окончательно разбит, контрреволюция на юге тоже. Вы вернетесь к своим семьям, на свою землю, отнятую у помещиков. Слушали с интересом.

Не успел я лечь и уснуть, как в барак вошел красноармеец и крикнул: «Есть ли тут Крепс?» Я с неохотой откликнулся. «Идем со мной». Собрали небольшую группу человек в пять и под конвоем повели в какой-то дом. Ночевали в комнате без всякой мебели. Утром одного за другим, вызывая по фамилиям, увели. Меня привели в комнату, где за столом сидел военный. Предложил сесть напротив. Начался допрос. Фамилия, имя, отчество, родственники. Как попал в белую армию? Когда приехал в Челябинск? Когда я назвал дату, которую помню точно, он сказал: «Вы лжете, такого-то мая уже не было связи Челябинска с Петроградом».

Интересовался, как мы двигались походным порядком из Довлеканово до Бирска. У меня, как на грех, хорошая память на места. Я ему назвал по памяти все деревни, через которые мы шли, а он достал карту и следил по ней. Потом прервал меня и сказал: «Вы говорите, что были солдатом, да еще в обозе, а я не сомневаюсь, что вы штабной офицер, маскируетесь. Не может солдат так запомнить маршрут».

Но главное подозрение, что я шпион, вызывало мое удостоверение, которое он считал грубой липой. «Откуда у вас взялось такое наименование Красной Армии: Рабоче-крестьянская Красная Социалистическая Армия? Да если бы у вас была такая бумажка, вас белые давно расстреляли бы». Я ему говорю: «Запросите по телеграфу Военно-медицинскую академию». — «Есть у нас время заниматься каждым шпионом. Признавайтесь лучше сразу, это облегчит вашу участь». Меня увели обратно. Через день два конвоира повели меня по городу на железнодорожную станцию Бугульму. Ехали на открытой платформе довольно долго, погода испортилась, ветрено, голодно, шинели у меня не было. Мы доехали до города Мелекеса, в котором, как сказали мне конвоиры, стоит штаб армии. Меня повели по уютному зеленому городу к большому

деревянному дому, где, судя по стоящим автомашинам, привязанным коням и т. п., помещался штаб армии. Вскоре меня привели к следователю, и повторилась процедура допроса.

Следователь сличал мои ответы с данными ранее. «Вы не можете не быть штабным офицером: никакой солдат, не уроженец этих мест, не запомнит так названия деревень в чужой местности». Я ему говорю: «У меня память хорошая, я и экзамены всегда сдавал легко». Особенно говорили против меня, следователь этого не скрыл, два факта: дата прибытия в Челябинск, на которой я упорно настаивал, и мой «липовый» документ. Следователь спрашивал, кто выдал мне этот документ, и смеялся над моим спокойным ответом — «Военно-медицинская академия Красной Армии». Убедить следователя в своей искренности я не мог. Один раз он сказал, что меня все же придется расстрелять, так как возиться со шпионами они долго не могут. Я довольно спокойно (как мне казалось) ответил: «Чем же вы тогда отличаетесь от белой армии, где с подозреваемыми большевиками долго не разговаривают?».

На другой день мои два конвоира опять повели меня на станцию. — «Куда мы теперь едем?» — спросил и их. — «В Симбирск, в штаб фронта». Я не без гордости подумал: «Какой же я важный государственный преступник, если меня везут в штаб всего Восточного фронта! Ну и загадку я задал следственным органам».

Меня привели в тюрьму города Симбирска. В большой камере я занял место на полу и улегся спать. Посмотрим, что даст мне штаб фронта.

Рано утром меня разбудили и повели на допрос. И вот на этом допросе со мной случилась необыкновенная история, решившая мою судьбу.

Во время беседы со следователем в комнату вошел военный, небольшого роста, с русой бородкой, интеллигентного вида. Постоял за спиной одного следователя, слушая как ведется допрос, затем подошел к моему следователю. Я понял, что это, очевидно, начальник Особого отдела. В это время следователь спрашивал о членах моей семьи. Когда я сказал, что старший мой брат Герман, агроном, живет сейчас во Владимирской губернии, но бывает в Петербурге у родителей, этот «начальник» вдруг говорит: «А я знаю вашего брата». У меня лихорадочно закрутилось в голове: «Кто это может быть?» С братом мы были очень дружны, я знал большинство его знакомых. Незадолго до моего отъезда из Петрограда он познакомился с двумя студентами Лесного института, тоже охотниками. Брат что-то рассказывал мне про них, называл и фамилии, привез даже брошюрку, дипломную работу одного из студентов. Я никогда, ни разу не вспоминал их, ни разу их не видел. Но тут меня будто осенило. Я почему-то решил, что это один из братьев. И тут же выпаливаю: «Ваша фамилия Динкельштедт? Вы студент Лесного института?» Он вытарашил на меня глаза: «Откуда вы меня знаете? Мы ведь не встречались? Как вы могли запомнить?» Я ему выпаливаю дальше: «У вас дипломная работа называется „Флора бассейна реки Свири и условия ее существования“, такая небольшая зелененькая книжечка». — «Как вы запомнили?» Я ему отвечаю, что у меня хорошая память, поэтому я так запомнил маршрут, а следователи считают, что я штабной работник.

Он велел мне сесть в сторонку и стал читать мои показания. Потом увел меня к себе в кабинет и первым делом спросил: «Вы голодны?» Я признался: так получилось, что два дня ничего не ел. Он открывает ящик стола, достает кусок хлеба, отламывает половину и дает мне. «Я, — говорит, — верю всему, что вы говорите, но что это у вас за липовый документ?» Я ему отвечаю, что здесь, в Симбирске, в штабе фронта, вы ведь можете телеграфно запросить Академию прислать вам копию увольнительного удостоверения. Динкельштедт взял меня на поруки. Я стал помогать заведующему аптекой военного госпиталя.

К Динкельштедту я не раз заходил домой. Наконец, в один из моих приходов он поздравляет меня: «Пришел ответ из Военно-медицинской академии — точная копия вашего документа! Поразительное дело, никто у нас в штабе не помнит, что Красная Армия в первые месяцы своего существования называлась социалистической. Это слово очень легко могло стоить вам жизни. Все следователи были убеждены, что документ фальшивый и вы шпион».

Я просил назначить меня в какую-нибудь инженерную часть и послать на фронт, но Динкельштедт оставил меня в госпитале.

Вскоре пришел приказ Председателя Совнаркома В. И. Ленина по всем фронтам — студентов высших учебных заведений откомандировать в свои вузы, так как надо заботиться о восстановлении народного хозяйства после гражданской войны. Простился со своими новыми друзьями, получил документы и покатил в Петроград. Это было 25 августа 1919 г.

Пришел домой. Не стоит описывать встречу с сыном, так долго считавшимся без вести пропавшим. На другой день после приезда я отправился в Военно-медицинскую академию, написал рапорт о прибытии. Меня пожелал увидеть начальник Академии проф. В. Н. Тонков, который отлично помнил всех успевающих студентов. Поздравил с благополучным возвращением, нашел, что я возмужал, и заявил, что примет меня на второй курс. Так что у меня выпал из обучения один год.

Мой теперешний второй курс очень отличался от того курса, на который я поступал в Академию. Наш прием был по конкурсу аттестатов. Теперешний мой курс, первый советский прием, принимался по-иному. Приняли очень много, свыше 500 студентов. Большинство отсеялось. Но интереснее всего то, что ни один из приемов в Академию не дал столько крупных ученых и деятелей медицины, столько будущих профессоров Академии, академиков и членов-корреспондентов Академии наук и Академии медицинских наук, как этот первый советский прием. Когда наш курс отмечал 40-летие окончания Академии, начальник Академии, генерал-полковник медицинской службы Н. Г. Иванов с цифрами в руках отметил этот интересный факт.

Потекли дни и годы учебы. Со второго курса я начал работать в физиологической лаборатории у И. П. Павлова, но это уже тема другой главы.

(Продолжение следует)